

УДК 94(47).08

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ А.А. КИРЕЕВА И Вл.С. СОЛОВЬЁВА

© 2010 г.

М.В. Медоваров

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

mmedovarov@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.11.2009

Рассматриваются отношения А.А. Киреева и Вл.С. Соловьёва в 1875–1900 гг., в особенности их полемика о католицизме. Показано, что Соловьёв вплоть до 1887 г. не порывал со славянофильством. В последующие годы он выступал в основном с либеральных позиций, но в его учении сохранились и элементы консерватизма. В то же время консерватор Киреев был не чужд некоторым минимальным требованиям либерализма, что и сделало возможным драматический диалог двух мыслителей.

Ключевые слова: Киреев, Соловьёв, славянофильство, национализм, католицизм, православие, конец XIX века, консерватизм, либерализм.

Идеолог позднего славянофильства генерал А.А. Киреев (1833–1910) сыграл огромную роль в жизни основоположника русской религиозной философии Вл.С. Соловьёва (1853–1900). История их взаимоотношений является важным фактом истории русской общественной мысли вообще и позднего славянофильства в частности.

Киреев и Соловьёв познакомились в августе 1877 г., сблизившись на почве обсуждения религиозно-философских вопросов, вместе входили в Общество любителей духовного просвещения, пытались создать Философское общество (1879)¹. В 1878 г. Киреев организовал лекции Соловьёва «Чтения о Богочеловечестве», давал ему ценные советы по их проведению, приглашал на них важных гостей (от митрополитов до писателей), способствовал публикации сочинений Соловьёва, познакомил его с великим князем Константином Николаевичем [1, с. 226]. Киреев возлагал на Соловьёва надежды как на преемника Достоевского в области философии. Правда, организованная генералом лекция Соловьёва в марте 1881 г. закончилась скандалом из-за выступления лектора против смертной казни [2]. Но, хотя Киреев попал в неловкое положение и вызвал недовольство К.П. Победоносцева [1, с. 196], однако и после этого инцидента социально-политические положения Соловьёва в целом не выходили за рамки классического славянофильства (синтез восточного и западного начал в России, царь как выразитель народных идеалов, критика Никона и Петра I). Поэтому философ сохранял тёплые отношения с Киреевым.

Наибольшая интенсивность контактов двух мыслителей приходится на 1883–1887 гг. Это

время их активной переписки и открытой полемики в печати. И Киреев, и Соловьёв в эти годы однозначно позиционировали себя как славянофилы, выступали в газете И.С. Аксакова «Русь», в «Православном обозрении», с октября 1883 г. – в официальном органе панславистов «Известия СПб. Славянского благотворительного общества»². Предмет споров Киреева и Соловьёва всегда оставался одним и тем же – это был вопрос о католицизме и православии. По всем остальным вопросам (как то: критика бюрократического строя Российской империи и беспорядочного положения русской православной Церкви, вопросы о национальности и национализме, о противостоянии левым силам) у двух мыслителей не было сколько-нибудь существенных разногласий. Киреев, как и Соловьёв, видел цель исторического процесса в построении царства Божьего на земле и объединении наций в единое Богочеловечество, не отказывался он и от идеи русского мессианизма на Западе [1, с. 197, 199–200, 202, 233, 234; 3; 4, с. 108; 5, с. 300–301; 6, с. 7]. Этим Киреев отличался от большинства других поздних славянофилов, включая и Аксакова [1, с. 202]³. Именно поэтому он неизменно помогал Соловьёву в публикации ряда статей о католицизме и о национальном вопросе в 1883–1886 гг. [7, с. 206, 210]. Несмотря на все разногласия, их отношения в этот период были по-прежнему тесными.

И лишь в вопросе о католицизме Киреев и Соловьёв с самого начала разошлись. Первым трудом Соловьёва на эту тему стал «Великий спор и христианская политика», нехотя опубликованный Аксаковым в «Руси» в 1883 г. [7, с. 200–207; 8] В течение 1884 г. на страницах

«ИСБО» шла полемика Киреева и ряда иных славянофилов с Соловьёвым. Поначалу было достигнуто согласие относительно необходимости свободы спокойного обсуждения всех спорных религиозных вопросов в печати [9; 10]. В остальном мнения расходились. По мнению Соловьёва, католичество ложно в частности, но не в принципе, вселенская Церковь уже существует и в православии, и в католицизме, а призвание славян заключается в примирении вражды Рима и Константинополя [11, с. 81, 82; 1, с. 198; 5, с. 323, 326]. При этом Соловьёв подчёркивал: речь идёт не о формальной унии, а о «химическом» соединении Церквей [7, с. 201–202, 205].

Киреев же настаивал на том, что католическая Церковь – хотя и сестра православной Церкви, но она слишком долго склонялась к ереси и наконец впала в неё на Ватиканском соборе 1870 г. Киреев писал: «Нельзя требовать от нас, чтобы мы искали сближения с Западом, независимо от того, в каком положении он сам находится, независимо от того, прав он или не прав в своём вероучении... не выяснив предварительно, чего собственно от нас ожидает Рим?» [12, с. 6; 4, с. 110]. Киреев подчёркивал, что представления Соловьёва о папстве имеют мало общего с реальностью: Ватикан, по мнению генерала, не нуждается в соловьёвских проектах и не захочет воссоединения, потому что уже считает себя вселенской Церковью. Политику Пия IX («Церковь – это я») Киреев назвал полным отрицанием Церкви. Генерал-богослов сформулировал условия воссоединения Церквей: православные признают теологические и обряды Запада как допустимые мнения, католики же откажутся от догматов, введённых после 1054 г. [13, с. 204]. Такое воссоединение Церквей Киреев считал возможным через 200–300 лет, причём основную надежду возлагал на движение старокатоликов. Со своей стороны, Соловьёв считал старокатоликов «профессорским кружком» на службе Бисмарка [14, с. 142; 15, с. 176, 662; 7, с. 204, 208].

Обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев потребовал от Киреева прекратить полемику в «ИСБО» с «психически больным» Соловьёвым, дабы не играть на руку католикам [1, с. 238]. Но Киреев не внял этим призывам, полемика продолжилась. Соловьёв всё громче заявлял о необходимости помочь католицизму с целью «освободить и усилить Церковь на Востоке, а на Западе восстановить христианскую государственность» [5, с. 309–310, 318, 327; 16; 17, с. 251, 252] (ту же задачу Киреев возлагал на старокатолическое движение). Понимая под истинным

православием объединение западной и восточной Церквей, под самодержавием – «служение христианского царя», ответственного лишь перед Церковью, под народностью – теократическое призвание России, Соловьёв в 1884–1885 гг. заявлял, что его взгляды ни в чём не противоречат ни старому, ни новому славянофильству, а лишь представляют собой его дальнейшее развитие [16, с. 14, 15; 5, с. 393–395; 18, с. 729; 19; 20].

В 1885 г. полемика Киреева и Соловьёва о католицизме и теократии продолжалась. Киреев осветил свою позицию с новой стороны. По его мнению, в конце XIX в. вопрос о соединении Церквей решить легче, чем прежде, именно потому, что положение вещей теперь полностью прояснилось: «Запад Европы выставил свои последние аргументы, последние тезисы, он договорился до абсурда... до последних выводов своих богословских софизмов. Рим говорит человеку: *cadaver esto*, – Виттенберг – *Deus esto*... Католицизм превращает человека в политическую машину... и становится в разлад с гражданским обществом, а протестантизм превращает алтарь в профессорскую кафедру, христианское учение в рационалистическую теорию, и так же, как и католицизм, доходит до отрицания Церкви, но только обратным путём» [21, с. 234].

Соловьёв, со своей стороны, всё больше говорил о значении воссоединения Церквей с точки зрения примирения русских с поляками, хорватами – с сербами, сербов – с болгарами [18, с. 735; 1, с. 200–201]⁴. Неслучайно он в 1886 г. посетил католического епископа Загребца И.Г. Штроссмайера, который считал себя наследником Ю. Крижанича и мечтал о соединении мощи римского папы и русского царя⁵. В Хорватии Соловьёву пришлось вместе со своими новыми друзьями – хорватскими панславистами (Ф. Рачки, П. Томич, И. Буянович, Ф. Целестин, А. Франки) – спорить с теми католиками, которые были настроены против православной Церкви [22, с. 177–178]. Но и по возвращении в Россию Соловьёв не смог переубедить Киреева [1, с. 243].

Тем не менее влиятельный генерал вместе с государственным контролёром Т.И. Филипповым и княгиней Е.Г. Волконской⁶ в декабре 1886 – январе 1887 гг. неоднократно просили Победоносцева разрешить издание сочинения опального философа [7, с. 237, 246; 23, с. 474]. Киреев писал: «Я объяснил Победоносцеву, что из-за того, что Соловьёв несёт чепуху относительно католицизма, нельзя ставить ему преграду вообще» [1, с. 244, 245, 247; 22, с. 178]. Киреев объяснял редактору «ИСБО» К.Н. Бесту-

жеву-Рюмину: «Хотя считаю С[оловьёва] безусловно *не* правым в отдаваемом им предпочтении католицизму перед православием... но вместе с тем считаю его правым во многом другом, и из-за этого другого желал бы, чтобы ему не были заграждаемы уста» [14, с. 143]. С помощью вел. кн. Александры Иосифовны и Константина Константиновича генерал добился разрешения печатать в России работы Соловьёва (кроме трудов о католицизме). Однако первый том «Истории и будущности теократии» Соловьёв смог издать лишь в Загребе в апреле 1887 г. Именно это событие стало причиной его разрыва с Киреевым.

Впрочем, здесь добавилось ещё одно обстоятельство. За полемикой двух мыслителей о католицизме всё чаще проглядывал вопрос о реформе русской Церкви, о ненормальности синодального строя. Вот почему, когда «История и будущность теократии» произвела «тяжёлое впечатление» на Киреева, непримиримого врага папства, то Соловьёв счёл письмо генерала «глупым и фальшивым» [14, с. 151]. В ответном письме он назвал Киреева «сторонником духовной свободы, становящимся... на сторону той гнилой тирании, под которою задыхается у нас всякая религиозная и церковная мысль». Соловьёв дал Кирееву яркую характеристику: «Вы сами – последний могикан старого, религиозного славянофильства – только на словах расходитесь с полицейскими охранителями православия, а на деле оказываетесь с ними совершенно солидарными». Тем не менее Киреева философ выделял особо: «Вас... я считаю на самом деле “бессознательным орудием интриги”... а потому при всей досаде на Ваши странные заявления, остаюсь с прежними чувствами сердечного к Вам расположения» [1, с. 219–221, 248; 7, с. 247–248].

Киреев в ответ признал «ненормальное положение нашей церковной организации»: «Мы с Вами в этом осуждении... единомышленники (единомыслие прекращается, когда Вы хотите лечить нас)». Положение Соловьёва он назвал «фальшивым» [1, с. 252; 7, с. 248]. Соловьёв, в свою очередь, ответил: «Вместо похвального благодушия я усматриваю у Вас совсем непохвальную апатию. Должно быть, дело ваше – дрянь, когда даже рассердиться из-за него Вы не можете» [1, с. 253, 223, 225]. На этом постоянная переписка двух мыслителей прекратилась. Последним фактом их сотрудничества стало совместное участие в «Московском сборнике» С.Ф. Шарапова (1887): Соловьёв страстно отстаивал старый славянофильский тезис об аполитичности русского народа, Киреев же в

своей статье подчёркивал значимость православия для западных славян [24; 25]. После этого Соловьёв окончательно порвал со славянофилами и в 1888–1891 гг. развернул критику самых основ славянофильства и национализма на страницах либерального «Вестника Европы» [26; 27; 28]. В то же время ослабли и связи Соловьёва с католиками. Иезуиты увидели в его сочинениях ересь, папа Лев XIII счёл идеи философа утопичными, хорватские панслависты не были готовы идти столь далеко в критике русского правительства. В итоге встреча Соловьёва с папой, намеченная на апрель 1888 г., так и не состоялась [22, с. 180–181].

В 1880-е гг. размежевание идейных наследников славянофильства стало свершившимся фактом. Часть из них перешла на позиции этнического национализма (П.Е. Астафьев, А.В. Васильев), часть – встала на сторону либералов (В.И. Ламанский, О.Ф. Миллер). «Центристы» Киреев и Шарапов сохраняли приверженность идеям И.С. Аксакова и Ф.М. Достоевского, но жизнь толкала их в один лагерь с охранителями. Борьба Киреева с «трусом» Победоносцевым за созыв Вселенского собора не принесла никаких результатов [1, с. 243], но и не способствовала сближению с Соловьёвым. Сбылись слова И.С. Аксакова: «Теперь положение таково, что середины нет: или с нигилистами и либералами, или с консерваторами. Приходится идти с последними, как это ни грустно» [цит. по: 29, с. 79–80].

Тем не менее у всех наследников старого славянофильства, включая Соловьёва, осталось нечто общее: все они были глубоко религиозны, выступали за усиление роли Церкви и против конституционного ограничения самодержавия. Эти черты, присущие славянофильству как умеренной разновидности русского консерватизма, отделяли Соловьёва от его либеральных друзей из «Вестника Европы».

Эти черты дали о себе знать в ряде последующих событий. Летом 1889 г. Соловьёв отправил Кирееву письмо, в котором упрекал православную Церковь в неспособности созвать вселенский собор, в существовании на казённый счёт, в том, что «самые ревностные хранители официального православия считают» его «гнилушкой, которая рассыпется, как только толкнёшь её пальцем» [30, с. 215–218]. В 1888 и 1891 гг. вышли два выпуска «Национального вопроса в России», в которых Соловьёв сокрушал основы славянофильства. Однако его собственные построения и здесь носили романтически-славянофильский оттенок [31, с. 91–92].

Славянофилы в 1888–1889 гг. воспринимали Соловьёва как заблудшего соратника. В ноябре 1889 г. Киреев написал работу «Славянофильство и национализм. Ответ г. Соловьёву», в которой опровергал обвинения славянофилов в идеализации русского народа и призывал усилить роль Церкви. Единственным принципиальным разногласием между Соловьёвым и славянофилами Киреев считал вопрос о том, будет эта Церковь православной или же католической [32]. Точно так же думал и С.Ф. Шарапов [33].

А.Ф. Лосев указывал, что нельзя ограничиться констатацией разрыва Соловьёва со славянофилами, не указав на то, что Соловьёв критиковал синодальный строй с позиций не революционных или либеральных, но с позиций «максимально-канонического и строжайше догматического православия. И в этом смысле он максимально консервативен, и даже гораздо консервативнее тех официальных учреждений и лиц, которые он с таким пафосом громит» [34, с. 17]. Показателен один факт: Киреев, говоря о «демократичности» православных Церквей, вслед за ранними славянофилами понимал соборность как общинность (*συνωδική*), а не всемирность (*καθολική*), противореча букве канона. Отсюда вытекало, что «существование Церкви обусловлено правом всех мирян подавать свой решающий голос в церковных делах». Поэтому Соловьёв, выступая в роли церковного консерватора, обвинял Киреева в «прямом отрицании Церкви»: «Церковь управляется не снизу, а сверху; образ её устройства не демократический, а *теократический*» [35, с. 408].

В 1890-е гг. Соловьёв продолжал публиковаться в «Вестнике Европы», но постепенно он отходил от политики в сферу чистой философии, утрачивая веру в возможность немедленного воссоединения Церквей. Киреев был глубоко огорчён судьбой Соловьёва. В 1888 г. он в своём дневнике обвинял философа в государственной измене и требовал сурово наказать его, в 1891 г. назвал его речи «уголовщиной», в 1895 г. резко отрицал принадлежность Соловьёва к славянофильству [14, с. 155–157; 36, с. 153, 157]. Однако когда в статьях 1895–1896 гг. «Значение государства» и «Византизм и Россия» Соловьёв обосновал необходимость «самодержавия совести» как богоустановленной власти, ответственной только перед Богом, безоговорочно осудил принцип демократии, предложил восстановить патриаршество и «совет лучших людей», то Киреев дал высокую оценку этим статьям философа, противопоставив их «Московскому сборнику» Победоносцева [37; 38, с. 588–589; 39, с. 263].

К 1897 г. относится последний спор двух мыслителей о католицизме. Соловьёв заявил, что выступает не за формальную унию, а лишь за свободное обсуждение проблемы соединения Церквей [40]. Киреев был рад этому, однако потребовал конкретного ответа, к чему же стремится его оппонент [41; 42]. После ответа Соловьёва, который призывал к союзу римского папы и русского царя – «нового Карла Великого», Киреев был разгневан: «Итак, мы видели: 1) что г. Соловьёв признаёт непогрешимого папу – главой всей Церкви и верховным судьёй в делах веры; 2) что он полагает, что Россия (славянский мир) должна отдать себя в распоряжение этого папы». Но это, заключал генерал, и есть обычная уния [43].

Тем не менее Киреев продолжал ценить Соловьёва как этического философа [7, с. 310]. В 1901 г. он писал: «С Соловьёвым нельзя было соглашаться, когда он увлекался римско-католической Церковью, но нельзя и не признать в нём одного из наших культурнейших свободомыслящих людей» [44, с. 408]. Идеиные расхождения не могли затмить память об общих идеалах: всё-таки либерал с оттенком консерватизма Соловьёв и консерватор с оттенком либерализма Киреев могли найти общий язык.

В этом смысле отношения двух мыслителей особенно показательны, поскольку Киреев, «славянофил по происхождению» (его семья была теснейшим образом связана с семьями ведущих славянофилов на протяжении целого века), всегда претендовал на звание прямого наследника Аксаковых и Киреевских, был близок Самариним и Хомяковым. В то же время переход Соловьёва от оккультизма 1870-х годов к славянофильству, затем увлечение католицизмом и одновременная дружба с «византистами» К.Н. Леонтьевым и Т.И. Филипповым, позже переход в либеральный лагерь в 1888 г. и новый отход от него в 1899–1900 г. свидетельствуют, что вовлечённость Соловьёва в общественную борьбу была ситуативной, а единственным делом его жизни, объединяющим все названные этапы, была философия всеединства и софиология. По отношению к западникам и славянофилам он был «двух станов не боец, но только гость случайный». С этой позиции и следует рассматривать его драматические отношения с Киреевым.

Примечания

1. Вместе с Т.И. Филипповым, Д.Н. Цертелевым и Н.Н. Страховым. Устав общества не был утверждён министерством народного просвещения.

2. Далее – «ИСБО». Соловьёв полностью одобрил создание этого журнала [1, с. 197].

3. Аксаков призывал Киреева «не церемониться» с критиками славянофильства [1, с. 203, 236].

4. Соловьёв презирал болгар, отлучённых от Церкви константинопольским патриархатом, и сербов, поскольку в 1880-е гг. проавстрийский король Милан преследовал сербскую православную Церковь.

5. Епископ И.Г. Штроссмайер (1815–1905) – сторонник славянского единства, русофил. В 1870 г. считал провозглашение догмата о безошибочности папы несвоевременным, но затем подчинился решению Ватиканского собора. Вместе со своими соратниками вёл борьбу против австро-венгерского правительства и ультрамонтанских кругов Ватикана за воссоединение православия и католицизма. Хорватские панслависты считали, что славяне призваны примирить вражду латинской и греческой Церквей. Анте Кадич пишет: «Соловьёв и Штроссмайер оба были подлинно пророческими визионерами, озабоченными лишь путями ликвидации фатального разделения славян и не ожидающими от конечного примирения преимуществ ни для одной из сторон» [22, с. 163–164].

6. Княгиня Е.Г. Волконская (1838–1897) – поклонница Соловьёва, добилась от папы Льва XIII разрешения хоронить православных на католических кладбищах, в конце 1887 г. стала католичкой.

Список литературы

1. Соловьёв В.С. Письма А.А. Кирееву / Комментарии А. Носова // Символ. 1992. № 27. С. 191–254.
2. Соловьёв В.С. Публичная лекция, читанная профессором Соловьёвым в Кредитном обществе // Сочинения в 2 т. М., 1989. (Далее – Соч.) Т. 1. С. 39–42.
3. Соловьёв В.С. О народности и народных делах России // ИСБО. 1884. № 2. С. 8–16.
4. Киреев А.А. Народность и Рим // Сочинения в 2 т. СПб., 1912. (Далее – Соч.) Т. 2. С. 108–112.
5. Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск 1 // Соч. Т. 1. С. 259–396.
6. Асмус В.Ф. Владимир Сергеевич Соловьёв // Соловьёв В.С. Соч. Т. 1. С. 3–11.
7. Соловьёв С.М. Владимир Соловьёв: жизнь и творческая эволюция. М., 1997. 431 с.
8. Соловьёв В.С. Великий спор и христианская политика // Соч. Т. 1. С. 59–167.
9. Соловьёв В.С. Письмо в редакцию // ИСБО. 1884. № 3. С. 25–26.
10. Бережков М.Н. Несколько слов на тему о национальном самоотречении (по поводу статьи Вл. Соловьёва «О народности и народных делах России») // ИСБО. 1884. № 5. С. 3–11.
11. Переписка Владимира Сергеевича Соловьёва с Иваном Сергеевичем Аксаковым // Русская мысль. 1913. № 12. С. 73–90 (2-я pag.).
12. Киреев А.А. Письмо в редакцию // ИСБО. 1884. № 8. С. 5–6.
13. Киреев А.А. Воссоединение Церквей и славянство // Соч. Т. 1. С. 193–205.
14. Соловьёв Д.В. Владимир Соловьёв в восьмидесятые годы. По его письмам к А.Ф. Аксаковой, а также по записям и переписке А.А. Киреева // Звезда. 1996. № 1. С. 140–158.
15. Соловьёв В.С. Соглашение с Римом и московские газеты // Соч. Т. 1. С. 173–177.
16. Соловьёв В.С. Славянский вопрос // ИСБО. 1884. № 6. С. 5–15.
17. Соловьёв В.С. Еврейство и христианский вопрос // Соч. Т. 1. С. 206–256.
18. Соловьёв В.С. Догматическое развитие Церкви в связи с вопросом о соединении Церквей // Православное обозрение. 1885. № 12. С. 728–745.
19. Соловьёв В.С. Как пробудить наши церковные силы (открытое письмо к С.А. Рачинскому) // Соч. Т. 2. С. 185–188.
20. Соловьёв В.С. Государственная философия в программе министерства народного просвещения // Соч. Т. 2. С. 175–184.
21. Киреев А.А. Несколько замечаний на статью В.С. Соловьёва «Догматическое развитие Церкви, в связи с вопросом о соединении Церквей» // Соч. Т. 1. С. 233–238.
22. Kadic A. Vladimir Soloviev and Bishop Strossmayer // American Slavic and East European Review. V. 20. No 2 (April 1961). P. 163–188.
23. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М., 1990. 719 с.
24. Соловьёв В.С. Что требуется от русской партии? // Московский сборник из произведений М.Д. Скобелева, И.С. Аксакова, В.С. Соловьёва, О.Ф. Миллера, А.А. Киреева, А.М. Кояловича, П.И. Аристовы и других / Под ред. С.Ф. Шарапова. М., 1887. (Далее – Моск. сборник.) С. 46–53.
25. Киреев А.А. Ответ «Заграничному славянину» // Моск. сборник. С. 271–292.
26. Соловьёв В.С. Исторический сфинкс // Соч. Т. 2. С. 481–491.
27. Соловьёв В.С. О причинах упадка средневекового миросозерцания // Соч. Т. 2. С. 344–355.
28. Соловьёв В.С. Идолы и идеалы // Соч. Т. 1. С. 604–637.
29. Миллер О.Ф. Спускала ли «Русь» нашим «консерваторам» (По поводу первых номеров «Русского дела») // Моск. сборник. С. 79–91.
30. Соловьёв В.С. Письмо к г. К[ирееву] по поводу запрещения духовною цензурой книги «История и будущность теократии» // Соч. Т. 2. С. 212–218.
31. Gaut G. Can a Christian be a Nationalist? Vladimir Solov'ev's Critique of Nationalism // Slavic Review. V. 57. No 1 (Spring 1998). P. 77–94.
32. Киреев А.А. Славянофильство и национализм. Ответ г. Соловьёву // Соч. Т. 2. С. 93–107.
33. Шарапов С.Ф. Русская идея (по поводу брошюры «L'idée Russe» г. Вл. Соловьёва) // В кн.: Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2006. С. 452–455.
34. Лосев А.Ф. Творческий путь Владимира Соловьёва // Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 3–32.
35. Соловьёв В.С. Письмо в редакцию журнала «ИСБО» // Соч. Т. 1. С. 405–408.
36. Киреев А.А. Наши противники и наши союзники // Соч. Т. 2. С. 149–158.

37. Соловьёв В.С. Значение государства // Соч. Т. 2. С. 549–561.
38. Соловьёв В.С. Византизм и Россия // Соч. Т. 2. С. 562–601.
39. Киреев А.А. Критические заметки // Соч. Т. 1. С. 255–268.
40. Соловьёв В.С. Письмо в редакцию газеты «Новое время» // Соч. Т. 2. С. 622.
41. Киреев А.А. Письмо в редакцию «Нового времени» // Соч. Т. 1. С. 239–240.
42. Киреев А.А. Письмо в редакцию «Русского слова» // Соч. Т. 1. С. 248–249.
43. Киреев А.А. Письмо в редакцию «Русского обозрения» // Соч. Т. 1. С. 241–247.
44. Киреев А.А. О предстоящей реформе нашего образования // Соч. Т. 2. С. 391–413.

ON THE HISTORY OF RELATIONS BETWEEN A.A. KIREEV AND VL. S. SOLOV'EV

M.V. Medovarov

The article is focused on the relations between A.A. Kireev and Vl.S. Solov'ev in 1875–1900, especially to their polemics about Catholicism. It is shown that Solov'ev did not break with Slavophilism until 1887. During the following years he came out generally from the liberal position, but some elements of conservatism were also preserved in his social conception. At the same time, the conservative Kireev not being stranger to some minimum claims of liberalism, the dramatic dialogue between the two thinkers became possible.

Keywords: A.A. Kireev, V.S. Solov'ev, slavophilism, nationalism, Catholicism, Orthodoxy, late 19th century, conservatism, liberalism.